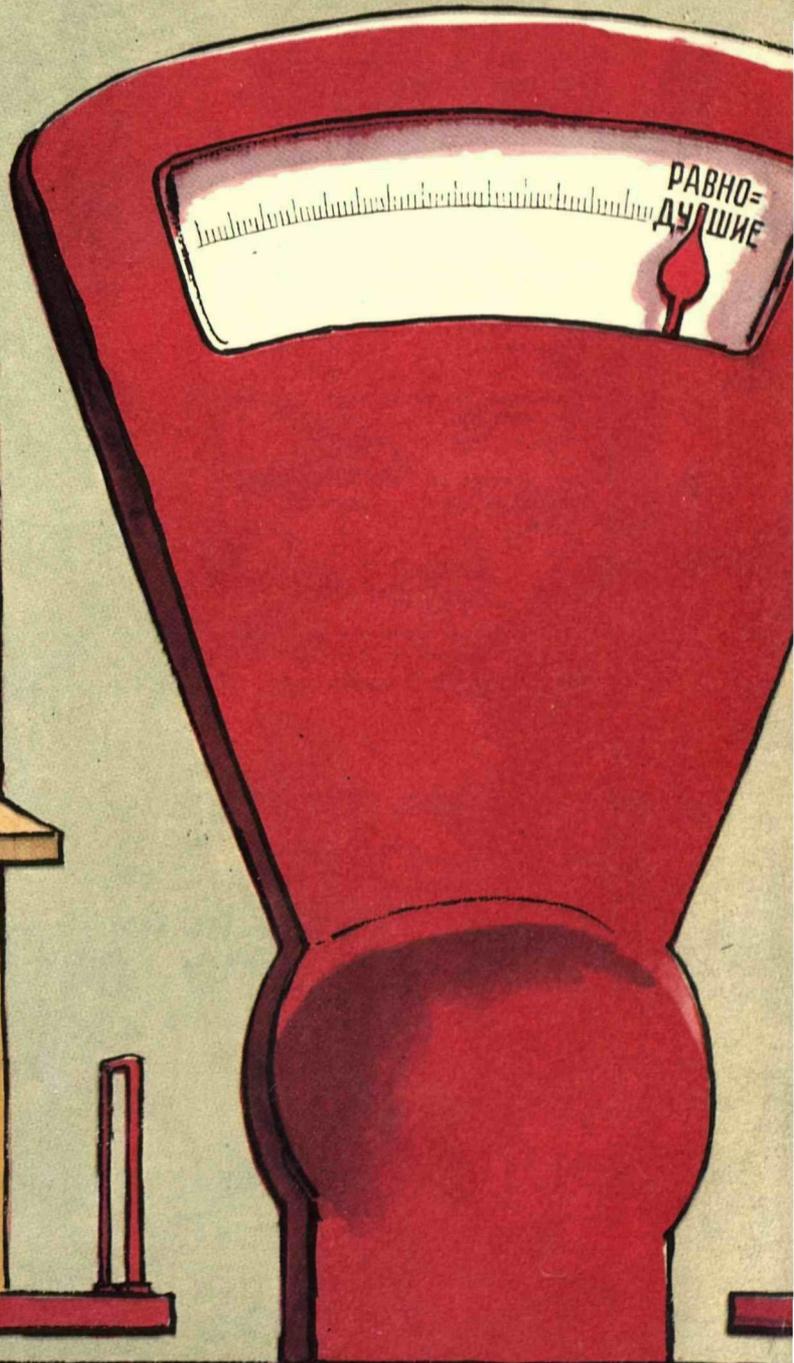

ГОРТОРГ

В ряде районов до сих пор допускаются перебои в торговле товарами, имеющимися в достаточном количестве.

ТОЧНЫЙ ВЕС

К Р О К О Д И Л

НОЧЬ В УНИВЕРМАГЕ

Однажды снился страшный сон
Директору универмага:
С кровати вихрем унесён,
В свой магазин попал бедняга.
Вдруг в тишине ночной, зловещей
Вокруг заговорили вещи...

«Забот я полон чрезвычайных, —
Немного в нос промолвил чайник, —
Поставьте на плиту меня,
И лопну я весьма проворно.
Я вовсе не огнеупорный:
Плиты боюсь я, как огня!»

«Сегодня ты, а завтра я!..» —
Пропело жалобно корыто. —
В своей компании, друзья,
Я о себе скажу открыто:
Хоть цинком ловко я покрыто,
Есть упущение одно
В моей структуре: это — дно.
Не тронь его, оно разбито!..»

«Что ж, это вовсе не хитро, —
Спокойно молвило ведро, —
И я не задаю вопросов,
Иной заметив недочёт,
Но рассуждаю, как философ:
«Всё протекает, всё течёт...»
Недаром, видя дождь с утра,
Твердят все:
— Льёт, как из ведра!..»

Тут, пропищав: «Ах, я спешу!» —
Внезапно кукла появилась.

«Меня я выслушать прошу,
Пока от рук я не отбилась,
Хоть и не свойственна мне прыть...
Глаза не в силах я закрыть
На качество своё плохое:
Внутри набитая трухолой,
Шарниры слабые кляня,
Не говорю я «мама», «папа»,
Могу сказать лишь: «Дядя — шляпа,
Который выпустил меня!..»

«Я о себе заметить колко
Хотела, — молвила иголка, —
Но хоть и злость меня берёт,
Не нахожу в себе острот:
Ведь я совсем не виновата,
Что от рождения туповата...
Притом ещё одна беда:
Я по натуре не ломака
И всё ж ломаюсь иногда.
Вот результат печальный брака!..»

На миг замолк тут разговор,
Но вскоре с полки, из картонки,
Раздался чей-то голос тонкий:
«Друзья! Я головной убор...
Когда лежу я на прилавке,
Вокруг себя не вижу давки.
«По Сеньке шапка», — говорят.
Но на меня не сыщешь Сеньку:
Я выцветаю помаленьку,
Мой верх тяжёл и грубоват,
Подкладка — вроде мятой тряпки.»

Не знаю, кто тут виноват.
Эх, если б дать им всем по шапке!..»

Поднялся крик. И стал свиреп
Разнообразный ширпотреб:
«Где этот бракодел, который
Такими изготовил нас?»
Директор спрятался за шторы,
Твердя: «Могу уверить вас,
Я не при чём тут... Крики эти
Здесь не по адресу, друзья:
Товаропроводящей сети
Всего лишь представитель я...»
«Не отпирайся! Скажет всяк,
Что поступил ты, как разиня,
Пустив в продажу этот брак
В универсальном магазине!»

Мы много создаём вещей
Красиво, складно, прочно, скоро.
К лицу ли нам терпеть укоры
Из-за плохих кастрюль для щей?
Пусть будет качество одно
Во всех вещах для нас привычно:
Всё надо делать на «отлично»:
И шлюз, и сталь, и полотно.
Пусть будут сделаны добротнo
И карандаш и дом высотный.
Да будет качество одно
Во всех товарах и предметах:
Советской марке ведь дано
Быть самой лучшей маркой света!

Торговые организации плохо изучают
спрос населения и допускают серьёзные
ошибки в распределении и завозе това-
ров.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

КУДА ПОПАЛО!

Качество товаров широкого потребления до настоящего времени отстаёт от требований советского потребителя.

Рисунок Бориса ЛЕО.

Товар лицом.

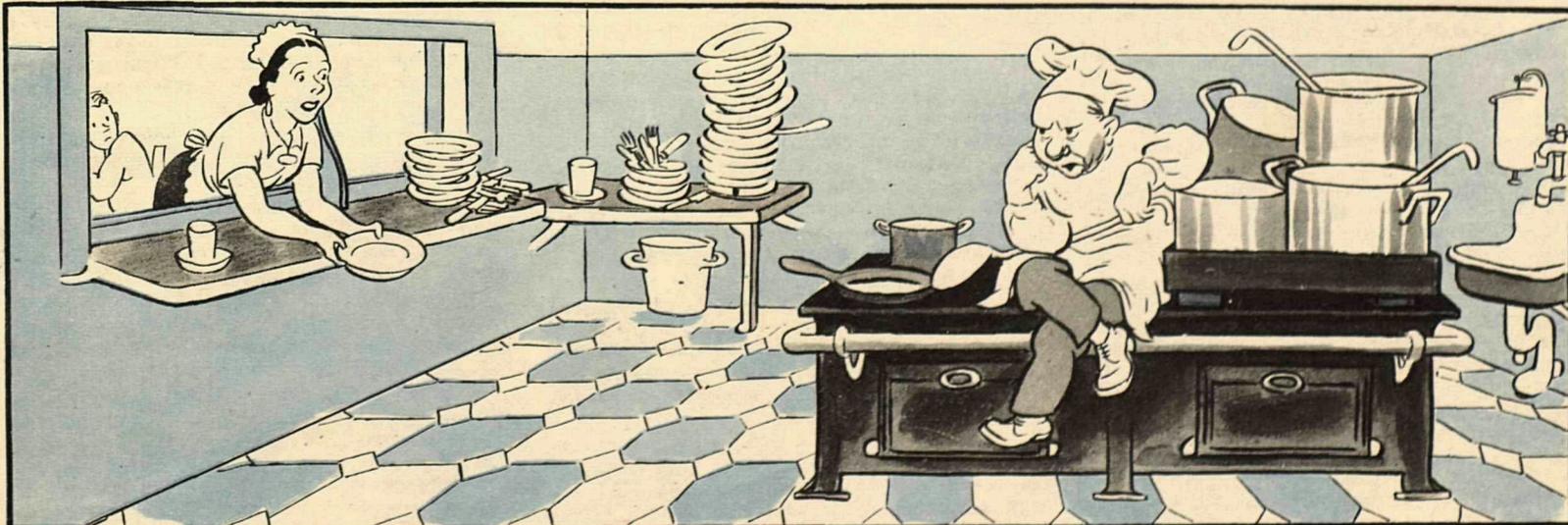

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ВСЁ СРАЗУ

— Очень требователен стал покупатель! Ему подавай и отличное качество, и точный вес, и культурное обслуживание... Это уж слишком!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Холодные блюда есть?
— Сколько угодно: к вечеру у нас все блюда холодные.

Перекидной календарь бюрократа.

КУРЫ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Обладай куры и домашние гуси способностью самостоятельно взмывать под облака и пронестись по необозримым просторам на собственных крыльях, жизнь директоров птицекомбинатов Белоруссии была бы куда спокойней.

Вот, скажем, прибыла в Кричев целая туча кур и гусей. Директор птицекомбината Шульман обзрел стаю, выбрал самого бойкого, самого сознательного петуха и, вручив ему путёвку на всё куриное поголовье, произнёс торжественное напутствие:

— Вот тебе, Петруха, препроводительная, веди всё своё стадо в Слуцк, явись к директору птицекомбината Либерману и доложи, что прибыли в его распоряжение. А то расплодилось вас, пернатых, видимо-невидимо, не управляюсь резать и разделять...

Петух, козырнув под гребень и звякнув шпорами, поднял в воздух большой косяк братьев и сестёр. По пути из Кричева в Слуцк они несколько раз кормились на колхозных полях, избавляя тем самым руководителей птицекомбинатов от заботы о корме. За короткий срок, преодолев несколько сот километров, куры опустились у ворот Слуцкого комбината. Навстречу готовому к рапорту бойкому петуху вышел сам директор Либерман и замахал руками:

— Отставить, отставить! Не принимаю!

Выхватив из петушиного клюва препроводительную, Либерман торопливо наложил резолюцию: «В Оршу, к директору птицекомбината Даниленко». И быстренько скрылся с куриных глаз.

Громко прокукаревав, петух снова поднял стаю в воздух и взял курс на Оршу. Куры не унывали: найдётся же где-нибудь добрый директор и примет их.

Эх, кабы так! Но, увы, пока это только несбыточные мечты директоров многих белорусских птицекомбинатов. Впрочем, фантазия у их начальников пошла ещё дальше. Министр лёгкой и пищевой промышленности БССР тов. Золов, его заместитель тов. Шаройко и начальник Белглавмясо тов. Новиков с нетерпением ждут, когда селекционеры выведут кур и гусей, способных не только самостоятельно перебраться от одного птицекомбината к другому, но и без помощи работников пищевой промышленности резаться, потрошиться, замораживаться и поступать в магазины. Прямо на полки!

А пока такие высокоразвитые двукрылые ещё не выведены, дела на птицекомбинатах Белоруссии идут из рук вон плохо. На базы «Заготскота», а оттуда на птицекомбинаты пешим порядком и на подводах — в корзинах и ящиках — сплошным потоком двинулись сухопутные и водоплавающие пернатые. А принимают их, прямо скажем, невежливо. Пищевая промышленность работает по старинке.

Сотрудники комбината не спеша выщипывают перья у кур и гусей, работники министерства неторопливо поскрипывают перьями по бумаге. Гусиный гогот и куриное кудахтанье нарушили размеренную, спокойную жизнь и на низах и в верхах птицеперерабатывающей промышленности Белоруссии.

— Что вы хотите?! — отбивается теперь директор Кричевского комбината тов. Шульман от наседающих на него поставщиков. — Я план свой перевыполнил. Куда вам девать гусей? А мне какое дело! Говорите, в две смены работать? А где я людей возьму? У меня не хватает резников и щипальниц. Отправляйтесь на другой комбинат.

Простояв со стадом гусей двое—трое суток у ворот комбината, заготовители грузят изголовавшуюся птицу в вагоны и направляются на север или запад республики.

— Да, — сокрушённо вздыхает тов. Шульман, глядя, как в 16-тонный вагон усаживаются по 300 пернатых пассажиров весом в 3 килограмма каждый. — Не велик груз для такого вагона. По сути, пустой пробог. А как было бы хорошо, если бы гуси и куры были настоящими птичками божьими и не требовали ни заботы, ни труда!

Не только кричевским гусям и курам приглось стать путешественниками, колесить по шоссе и железным дорогам Белоруссии. Их собратья из Кобрина и Пинска, Бреста и Слуцка, Орши и Столбцов по воле работников птицеперерабатывающей промышленности совершают ещё более длительные поездки и переходы.

Из Радуня сообщают: «Скопление птицы — шесть тысяч. Четыре дня птицекомбинат Лида не принимает. На базе падёж».

Из Орши телеграфируют: «Оршанский птицекомбинат птицу не принимает. Шестнадцатого доставлено пять тонн, не принято ни одного центнера, неизбежен падёж».

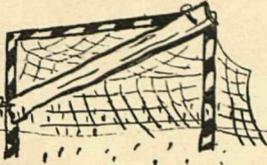
Из Бреста прибыла депеша: «Кобринский, Пинский, Слонимский птицекомбинаты приёмке птицы отказывают. Наличие птицы на базах «Заготскот» 22 600, из них кур 17 тысяч».

А в это время семь крупных передвижных холодильников стоят на складе. Министр тов. Золов, очевидно, отложил их использование до тех пор, пока будут выведены новые породы кур и гусей. Явившись прямо на склад, эти необыкновенные птицы сбросят оперение и, совершив самоаклание, плотными рядами улягутся в холодильники.

И. НОВИКОВ

г. Минск.

Во имя

СОЛИДНОСТИ

По улицам районного села Покровская Багачка, что на Полтавщине, шли, не торопясь, двое: секретарь райкома партии тов. Осташко и секретарь райкома комсомола тов. Белявский.

— ...вот врач ему и говорит: гипертония, — продолжал рассказывать Белявский. — А парню всего двадцать два года.

Тов. Осташко укоризненно покачал головой и сказал:

— Эх вы, комсомольцы! Видать, заседаете много. А вы бы побольше на стадионы ходили! Поближе бы к молодёжи! Нет, не умеете вы, друзья, пользоваться молодостью. Смотри, Григорий Тимофеевич, за недочёты на этом участке будем строго взыскивать с тебя.

Так, внушая молодому комсомольскому работнику добрые мысли, тов. Осташко подошёл к райкому партии. А здесь его, оказывается, уже ожидала делегация футболистов.

— Помогите! В воскресенье очередной матч на первенство области, а нам не разрешают выехать для этого в соседний район.

Тов. Осташко тут же по телефону замолвил перед райисполкомом слово за футболистов.

— Езжайте, — сказал тов. Осташко спортсменам, — да смотрите, не проигрывайте!

— Спасибо, постараемся! — ответили хором спортсмены и обратились к секретарю райкома комсомола: — Так ты гляди, Гриша, не опаздывай. Поезд уходит в десять вечера.

— А ты разве тоже с ними едешь? — удивился тов. Осташко.

А как же, — ответили футболисты. — Он самое главное действующее лицо. Капитан сборной команды района.

На этом месте лицо секретаря райкома партии сразу поскуцнело.

— То есть как же это так? — спросил он Белявского. — Неужели ты сам за мячом по полю бегаешь?

— Ну, конечно, сам. Собственной персоной. Не заместителя же посылать!

— Очень интересно! — ехидно сказал тов. Осташко. — Зрелище, достойное богов: секретарь райкома комсомола забивает головой мяч в ворота «противника», а вокруг рядовые члены ВЛКСМ... Оригинальная картина!

Тов. Осташко засмеялся неестественно громко, как бы подчёркивая всю смехотворность неприличного поведения комсомоль-

ского руководителя. Потом, сделав серьёзное лицо, многозначительно, переходя на «вы», попросил Белявского:

— Вы уж, пожалуйста, Григорий Тимофеевич, не позволяйте себе больше этого. И с кого вы пример берёте? Ни я, ни другие члены бюро у нас в мячик не играют.

— Так мне ж не сорок лет.

— Неважно. Как руководящему работнику районного масштаба, вам нужно привыкать к солидности. Сегодня вы в футбол играете, а завтра, чего доброго, ещё и петь тенором перед публикой будете?

— А я и пою, — признался секретарь райкома комсомола, — участвую в художественной самодеятельности.

Тов. Осташко при этих словах даже вздрогнул, точно ему попал за воротник капля холодной воды.

— Подрывать авторитет районного работника я вам не позволю, — сурово сказал он, — и вообще подумайте посерьёзнее, что вам дороже: деятельность секретаря райкома комсомола или разные там вокально-футбольные лавры? А потом заходите, посоветуемся... Будьте здоровы!

Григорий Белявский с удивлением посмотрел на дверь, за которой скрылась фигура тов. Осташко, тяжело вздохнул и подумал:

«Совсем как гувернантка из оперы «Пиковая дама»: «Барышням вашего крута надо приличия знать». Но ведь я ж не барышня...»

Очередной футбольный матч на первенство области не состоялся. Молодые спортсмены районного центра были в недоумении: никто из них не понял запрета, наложенного тов. Осташко на секретаря райкома. Григорий Белявский прекрасно сочетал свои общественные обязанности со спортом. Так нужно ли было в этом случае становиться на его дороге?

В недоумении были не только молодые спортсмены, но и сам Белявский. Поэтому, придя домой, он написал письмо в редакцию.

«Секретарь райкома комсомола, — писал он, — должен быть всегда с молодёжью. Он должен показывать комсомольцам личный пример и в труде, и в учёбе, и на спортивной площадке. Неужели от того, что секретарь поёт в хоровом кружке или играет в футбол, умаляется его авторитет?»

Что можно ответить на это письмо?

Оставайтесь молодым, дорогой товарищ Белявский. Играйте в футбол и притом старайтесь не пропускать мячей в свои ворота. А если есть голос, пойте!

В. ИНДИН

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Чтец-декламатор.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ПОДНОЖНЫЙ КОРМ

— Кормов у нас, как видите, сколько угодно: на каждом шагу валяются...

СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ...

В субботу вечером Фёдор Иванович перебрался на новую квартиру в новом посёлке Петрово-Лидиевке. Утро воскресного дня он встретил в превосходном расположении духа.

— Вот что, Аннушка, — сказал он жене. — Пока ты будешь готовить обед, я схожу в парикмахерскую и кстати отнесу в починку петькины штаны и штилеты.

Новосёл вышел на улицу и огляделся. Первое впечатление было благоприятным. Но уже через несколько шагов это впечатление стало портиться: идти по улице было чрезвычайно трудно. Повсюду валялись битый кирпич, мусор и куски проволоки. Едва не угодив в канаву, Фёдор Иванович добрался наконец до парикмахерской. Увы! На её дверях висел огромный амбарный замок.

— И не стойте, дяденька, и не ждите! — сказал какой-то шустрый мальчуган, вертевшийся возле дома. — Эта парикмахерская бывает открыта только два дня в месяц.

— А другая?

— А никакой другой у нас нет. Вы, дяденька, лучше дома брейтесь. Фёдор Иванович сокрушённо покачал головой и, сопровождаемый любезным мальчиком, направил свои стопы к магазину ширпотреба.

— Безопасные бритвы? — сказал продавец. — Есть бритвы. Прикажете завернуть?

— Заверните, — сказал Фёдор Иванович. — И ещё лезвия.

— Вы, наверно, не здешний? — вежливо осведомился работник прилавка. — Здешние, они все знают, что лезвий у нас нет. Такие мелкие предметы к нам не завозят.

...На ближайшем углу Фёдор Иванович остановил какого-то прохожего, очевидно, старожилу:

— Скажите, где тут можно починить штилеты и брюки?

— Нигде, — коротко ответил старожил.

— Позвольте, это как же так?

— Да уж так. Здесь, милый человек, каждый сам себе и сапожник, и портной, и часовщик, и лудильщик. Уж ежели ты переехал в наш посёлок, будь мастером на все руки и самообслуживайся.

Дома Фёдор Иванович застал жену в предельно кислом настроении. — Все продуктовые магазины обошла, — сказала она упавшим голосом, — а капусты, моркови и лука нигде нет. И борщ сварить не из чего. Хотела в столовой обед взять, а тут и столовой нет.

— Как же вы тут живёте? — спросил Фёдор Иванович приятеля-шахтёра, заглянувшего на новоселье.

— Да так и живём, — философски ответил приятель. — Я, например, уже четыре года здесь обитаю. Ничего, привыкнете.

— Я буду жаловаться! Я завтра же пойду в горсовет!

— Не пойдёшь, — хладнокровно сказал приятель. — До города добрых двадцать километров, а сообщения никакого.

— Что же делать?

— Ждать, Федя, ждать! Может, председатель Сталинского горисполкома товарищ Бахаев всё-таки надумает заглянуть к нам! Ничего не напишешь, — занятой человек, всё ему некогда: то на совещании, то на активе каком-нибудь выступает — посёлок наш хвалит. Вот, говорит, какую прелесть для шахтёров построили! Все удобства! А то, что в домах даже водопровод не действует, — это для него мелочь жизни.

Фёдор Иванович молча смотрел в окно. Огромный новый посёлок с широкими, прямыми улицами и большими домами уже не казался ему таким привлекательным, как в первые минуты знакомства.

В. ГИЛЕВ

Город Сталино, посёлок Петрово-Лидиевка.

КРОХОБОР ЗА ЧТЕНИЕМ

(Письмо в редакцию областной газеты)

«Уважаемая редакция!

Не без трепета читал я очерк «Большой путь» Н. Иванова, напечатанный в Вашей газете. Причины для вышеуказанного трепета были двойные: с одной стороны, очерк о нашем районе, что весьма приятно, а с другой — ошибки, которые наверняка должны присутствовать в очерке, ибо писатель Н. Иванов не проживает в нашем районе и не может знать район так, как знаем его мы, исконные жители здешних мест.

Два слова о себе. Человек я занятой (сами понимаете: ответственная работа в райплане). Моя слабость — литература. Читаю её с карандашом в руке, обложившись счётками, арифмометром и логарифмической линейкой. Мимо меня ни одна мелочишка не промгнёт. У одного классика я даже какую-то неточность обнаружил. Вот не вспомню, у кого (в последнее время книг почти не читаю: времени не хватает). Я хватать за перо, чтобы написать письмишко автору, этакое, с выговором, да спохватился: классик-то давно помер!..

Вернёмся к очерку Н. Иванова. Читал я его ни много, ни мало десять дней. Получается тридцать пять строк на день. Это немало, если учесть, что я не просто читал, но анализировал каждое слово, даже каждую запятую, вертел ручку арифмометра, щёлкал счётками, работал на логарифмической линейке: Это у меня с детства. Мама моя, женщина горячего характера, бывало, прикрикивала на меня:

— Эх ты, крохобор несчастный! Ты себе всё наслаждение портишь! Читай, а не лови блох в книгах.

А я не обижался и не обижаюсь доселе. За любовь к мелочам пусть буду крохобором. Всякое дело из мелочишек состоит, особенно литература...

Многие из моих знакомых пишут письма в редакции. Иные благодарности получают от газет: дескать, спасибо за хорошие советы. И я не раз писал. Но я всё больше насчёт разных мелочишек, разных там блох, как говорится. Пусть меня не благодарят: как говорится, чем богат, тем и рад.

Читал я, значит, очерк «Большой путь» и страшно мучился из-за ошибок. Я насчитал 13½ (тринадцать с половиной) ошибок. Ниже я объясню, что означает эта половинка. А теперь пойдём по порядку.

Н. Иванов пишет недрогнувшей рукой: «Краешек неба позеленел...» Извини, уважаемая редакция, но я понимаю так: значит, в то время, как Н. Иванов пытается (именно пытается!) описать достижения нашего района, небо неожиданно зеленеет. Отчего же, разрешите спросить, оно зеленеет? Может быть, от злости? В таком случае, на что оно злится? На достижения? Но, может быть, сей автор действительно увидел в нашем районе зелёного цвета небо? Дай, думаю, проверю. И я пошёл... Да, я вышел из дому и всё время глядел вверх. Нет, я не нашёл зелёного неба!

Посмотрел я прямо перед собой и чуть не наткнулся на знакомого маляра (он чудесно разрисовал нашу чайную).

— Милый,— обратился я к нему,— какого цвета небо в твоих произведениях?

Он ответил мне вполне уверенно:

— Только синее.

— А что ты делаешь с зелёной краской?

— Её я кладу только на луга и рощи.

Кажется, ясно, уважаемая редакция!

Далее. Н. Иванов пишет: «В пятистах шагах от правления протекает тихая речка...» Врёт он! Я не поленился, потратил целый вечер, точно и трижды измерил расстояние шагами. Где же пятьсот? От силы насчитал четыреста девяносто. Где же десять шагов? Могут сказать: это мелочь, крохоборство! В таком случае позвольте сослаться на известную песню, в которой говорится: «А до смерти — четыре шага». Значит, каждый шаг имеет большое значение! Нет, нельзя так бросаться шагами, как это делает Н. Иванов!

Н. Иванов, потеряв чувство всякой меры, пишет: «Лошадь плелась понуро...» И это о нашей, о колхозной лошади! Опять же, не жалея ни сил, ни времени, я разыскал возницу Чуркина и говорю ему:

— Я Брыкин из райплана.

— Очень приятно,— говорит.

— Что же,— говорю,— товарищ Чуркин, вы свою лошадь не кормите, не поите? Или она хворая у вас? В газете пишут, что плелась она, дескать, понуро.

— Врут они! — возмутился возница. — Не ходит моя понуро. Она огонь! Понятно?

Мне-то понятно, но что скажет наш уважаемый очеркист?

Вот ещё ужасное искажение, на этот раз ботаники. Н. Иванов сочинил такую фразу: «Пал туман, кроны деревьев посерели». Это надо понимать так, что посерели и листья. А что это значит? Это значит, что они лишились хлорофилла, который придаёт им зелёный цвет. Я решительно утверждаю: туман не может уничтожить хлорофилл в такой короткий срок! Этот факт следовало бы лучше проверить редакции...

Выше я писал о какой-то неточности у одного классика. А вот ещё и другой пример. Пи-

шут, скажем, такую фразу: «Девушка зарделась, словно роза». Но роза бывает разная: красная, белая, жёлтая и прочая. Разве трудно вставить лишнее словечко, чтобы уточнить, какая именно роза?

Н. Иванов, явно подражая классикам, легкомысленно нацарапал: «Щёки у Наташи ярко зарделись». Это о Наташе Уваровой из третьей бригады. Стой, думаю, девушка она боевая, грамотная, чего она так покраснела? И что же? Пошёл я в третью бригаду, повидал Наташу.

— Здравствуйте, Наташа,— говорю.— А я не знал, что вы гимназисточка.

Это я нарочно, чтобы заставить её покраснеть. А Наташа, наоборот, взяла да побледнела. Побледнела, а не зарделась!

— Что вам надо? — спросила она обиженно.

— Больше ничего,— ответил я.— Хотел кое-что проверить.

Наташа пожалала плечами. И я тоже, уважаемая редакция.

Остальные ошибки Н. Иванова не менее грубые. Я о них поговорю у вас в редакции, как только приеду в город. Хочу лишь сделать пояснение насчёт половинки. В очерке упорно повторяется слово «идти». Конечно, это не смертельный грех, но я за то, чтобы писать «итти». Поэтому я и ставлю только половинку ошибки.

Это хорошо, уважаемая редакция, когда к нам в район приезжают писатели и пишут. А может быть, в самом районе есть люди, которые всё знают, всё понимают в районном масштабе, всё точно измеряют и подсчитают и всё опишут честь-честью? Не худо бы и на таких поглядеть и привлечь их к работе. Буду у вас на будущей неделе.

С приветом И. Брыкин.

Переслал в редакцию Крокодила
Георгий ГУЛИА.

Харьковская парфюмерно-косметическая фабрика выпускает духи, запах которых держится не более часа.

(Из письма читателя Т. В. Гордеевко)

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Мне не нравится этот запах.

— Не волнуйтесь, он скоро улетучится.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Невозможно ходить по городу: все спрашивают, где я достал очки.
— А действительно, где вы их достали?..

Ч Ч О

Однажды вечером, проверяя домашние задания, Пётр Остапович Кондратенко, преподаватель 32-й средней школы, почувствовал себя плохо.

— Да у тебя жар! — всполошилась жена. — Я немедленно вызову врача из поликлиники!

— Не из поликлиники, а из Министерства просвещения, — пробормотал Пётр Остапович.

— Он бредит! — воскликнула жена и кинулась к телефону. Приехал врач.

— На что жалуетесь? — спросил он с профессиональной мягкостью.

— На часы, — резко ответил больной.

Врач взглянул на ходики, висевшие на стене. Ходики деловито и громко подтверждали: так-так, так-так, так-так...

— Остановите часы: они раздражают больного, — сказал врач.

— Не поможет, — махнул рукой Пётр Остапович, поглядел на врача испытующе и спросил тихонько и как-то странно: — Вы знаете, кто я?

— Конечно, — сказал врач. — Насколько мне известно, вы Пётр Остапович Кондратенко, преподаватель 32-й средней школы. Больной погрозил пальцем.

— Э-э, нет, батенька! Это только так говорится, преподаватель! А я, если желаете знать, лошадь! Да, да, ломовая лошадь, нагруженная до отказа да ещё участвующая в скачках с препятствия-

ми. Вот я кто! У вас найдётся десять минут свободных? Благодаря вам. Машенька, дай нам, пожалуйста, чаю.

Пётр Остапович отодвинул тетради, по привычке взглянул на часы, нервно поёжился:

— Эти десять минут я потом наверстаю. Итак, знаете ли вы, доктор, сколько часов в сутках?

Видя возбуждённое состояние больного, врач поспешил ответить:

— Двадцать четыре часа, совершенно точно.

— Прекрасно! — оживился Пётр Остапович. — Или, наоборот, ужасно. Разве преподавателю достаточно каких-то жалких двадцати четырёх часов в сутки? Нет, нет и нет! Сейчас вы убедитесь. Вот я беру карандаш и бумагу, давайте подсчитывать. Простейшее сложение однозначных и двузначных чисел.

«Боже мой, — подумал врач, — с какими только нервными заболеваниями не приходится встречаться!» И сказал с готовностью:

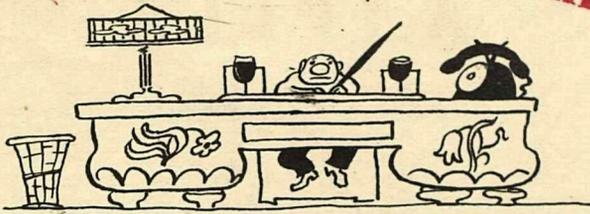
— Я вас слушаю.

— Итак, — тяжко вздохнул Пётр Остапович, — у меня двадцать учебных часов в неделю, или семьдесят часов в месяц. Совершенно нормально, не правда ли? Погодите, до ненормального мы ещё доберёмся... С некоторых пор, по инструкции министерства, учитель обязан проверять каждое домашнее задание ученика. Если у вас два пятых класса, то вы проверяете ежедневно семьдесят тетрадей. На каждую тетрадь — пять минут, итого, — он быстро подсчитывает, — шесть часов с лишним на проверку упражнений. Приплюсуйте это к восьмидесяти часам. На подготовку к урокам — от двух до четырёх часов. На дополнительные занятия — ещё восемь часов. На это я не жалею, своя ноша, как говорится, не тянет. Но вы послушайте дальше! Мне нужно проверить дневники учащихся, выставить оценки, вести дневник классного руководителя... А посещение открытых уроков и уроков своих коллег по предмету? Ещё четыре часа!

— Да вы прилягте, — советует врач.

— Как я могу лежать, когда мне нужно бежать?! — вскрикивает Пётр Остапович. — Бежать на собрание, на заседание! Раз в месяц

СИДЕЛ РЕДАКТОР В КАБИНЕТЕ...

У драматургов на примете,
Сидел редактор в кабинете.
И, если вам открыть секрет,
Он не волнуем был проблемой,
Которой занимались все мы:
Чтоб выходили пьесы в свет...
Являлся автор с пьесой новой,
И тут критическое слово
Звучало грозно каждый раз:
— У вас... конфликт зачем-то

в пьесе...

Конфликт! Кому он интересен?
Вопрос о нём изжит у нас!
Ваш карьерист гиперболичен.
Чиновник — трус? Он не типичен.
В сатире нынче нужды нет, —
В подобной пьесе вижу вред!
Вы, друг мой, пьеску заберите.
Учтите всё. Пока. Звоните.

Учтя всё это, забирал
Писатель пьесу...

Час настал —

Редактор понял: надо срочно
Порвать с теорией порочной!
Пришлось ему поёрзать в кресле:

— Пока сижу я здесь... а если
За пьесы все держать ответ? —
И тут же он прикинул: — Нет!
Трястись? Бояться? Из-за пьес-то?
Перевернись хоть всё вверх дном, —
Не буду! Не сойти мне с места,
И — с места этого притом!
...Вот автор тот же, пьеса та же,
Редактор тот же... Что он скажет?
И слово «новое» звучит:
— Я ждал конфликта! Где он

в пьесе,

Конфликт? Лишь он нам интересен,
Вопрос о нём остро стоит!
Ваш карьерист — он сер, обычен,
Чиновник не гиперболичен...
Сатира где? Сатиры нет!
В подобной пьесе вижу вред!
Вы, друг мой, пьеску заберите.
Учтите всё. Пока. Звоните...

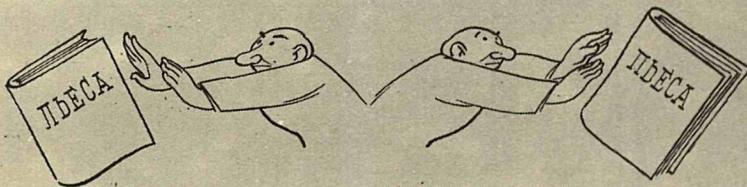
* * *

У драматургов на примете,
Сидел редактор в кабинете.
И по секрету скажем вам,
Что он... сидит и ныне там.

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Новинка? Переложу-ка я эту тему на музыку.
Только что сочинить: оперу или симфонию?

у нас педсовет, потом профсоюзное собрание. А заседание методических объединений? А собрание городских секций по предмету? Я не говорю уже о лекциях, общешкольных собраниях!

Пётр Остапович, размахивая руками, в которых судорожно зажаты карандаш и бумага, мечется по комнате.

— А классные собрания? — продолжает он. — Раз в неделю. Готовиться к ним нужно? Рекомендовать литературу нужно? А сколько у меня остаётся времени на чтение газет и книг? По полчаса в день! Читаю в автобусе, на ходу, за обедом! А кто будет присутствовать на пионерских сборах? Вы будете присутствовать? А индивидуальные беседы с учащимися! Вы думаете, тара-ра — и с колокольни долой? Нет, извините, это ещё восемь часов!

— Беседы с родителями в школе, — вспоминает врач, которому приходилось неоднократно и подолгу разговаривать с учителями по поводу поведения своего Серёжки.

— И беседы с родителями!

— Школьные вечера забыл, — упавшим голосом подсказывает Машенька.

— Помню, ещё как помню-то!

— А списки? — горестно шепчет Машенька.

— Да, да! Списки для родительского комитета, письменные сведения для директора и завуча! А обследование учащихся на дому? Можно затратить целый день и обследовать всего две-три семьи.

— Всеобуч, — суфлирует Машенька.

— Всеобуч! — как эхо в горах, откликается Пётр Остапович. — Это, правда, работа периодическая: мы ходим по домоуправлениям, по квартирам и проверяем, все ли дети учатся. Но я вам скажу, это нелёгкий воз!

Пётр Остапович залпом выпивает стакан чаю и говорит захлёбывающимся голосом:

— А я ещё заочник! По часу в день, больше не могу, не могу! Подсчитывайте! Маша, у нас где-то были счёты...

Щёлкают круглые костяшки. Теперь уже и самому врачу интересно, какая же цифра получится из всех этих часов, промелькнувших перед ним, как стая вспугнутых птиц.

— Что же получается? — спрашивает врач.

— А вот что получается, — говорит Пётр Остапович. — Я занят четыреста сорок часов в месяц! По восемнадцати часов в сутки! Что у нас остаётся?

— Ш... шесть часов, — неуверенно говорит врач.

— Правильно. Шесть часов на сон, на отдых, еду, на то, чтобы перекинуться словом с собственными детьми, с женой...

— Где уж тут перекидываться! — грустно качает головой Машенька.

— Побриться, помыться, одеться!.. Или мне отпустить бороду для экономии времени? Или, моясь в бане, проверять домашние задания?

— Это неудобно, — замечает врач.

— А мне, думаете, удобно?

Врач берёт руку больного, щупает пульс. Пётр Остапович отдёргивает руку.

— Сам знаю, сто двадцать в минуту! Да разве у меня у одного? Мой товарищ, педагог, тоже с такой повышенной пульсацией, даже в Москву ездил, в ЦК союза начальных и средних школ побывал!

— И что же? — спрашивает врач, заинтересованный этой специфически педагогической болезнью.

— Что? Там, оказывается, стон стоит от учительских жалоб! ЦК союза даже собирается обратиться в Министерство просвещения по вопросу упорядочения рабочего дня педагога. Но когда это будет, я вас спрашиваю? Э, да что я с вами толкую, доктор! Так просто, душу отвожу. А я детишек люблю, профессию свою обожаю.

— Вот вам таблетки, — говорит врач. — Это бехтеревка, успокоительное средство. Всего доброго!

Врач уходит. Пётр Остапович в изнеможении опускается в кресло и глядит на взволнованную жену.

— Маша, — слабым голосом говорит он, — прими бехтеревку, это — успокоительное средство.

— А ты? — спрашивает Машенька.

— Я? Да разве я могу брать на себя ещё новую нагрузку — принимать лекарство по часам? Ведь ты же отлично знаешь, что мне некогда, некогда, некогда!

Варвара КАРБОВСКАЯ

Разрешите побеспокоить

ВЖИЛСЯ В РОЛЬ

Киноактёр П. Алейников недавно выступал у нас в концерте, будучи в нетрезвом виде. Ему особенно удалась сцена опьянения из кинофильма «Большая жизнь».

К. Белецкий,
А. Леонтьев и др.

Станция Пуховичи,
Минской области.

13 октября артист П. Алейников пьяным выступал в клубе Минского тракторного завода. Его пришлось насильно увести с эстрады.

Б. Волков,
П. Соколов и др.

Концерт мы просмотрели б заново,
Когда б не маленький изъян:
Алейников, играя пьяного,
Так вжился в роль, что сам был пьян.
Он, выступая перед зрителем,
Эстраду спутал с... вырезвительем!

А. НИКОЛАЕВ

СОБСТВЕННАЯ ЛИНИЯ

Велели школьнику Пете начертить прямую. Взял Петя линейку и провёл вдоль неё карандашом по бумаге. А учитель глянул и говорит:

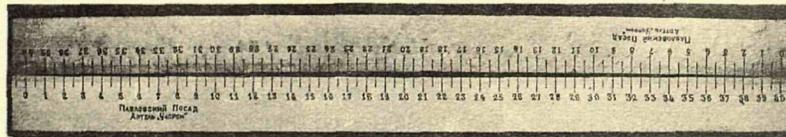
— Какая же это прямая? У тебя, братец, дуга получилась!

Купил Петя другую линейку. Начал снова чертить прямую. Чертит-почертит, а вычертить не может: всё кривая получается.

Приложил он линейки одну к другой, а они не сходятся!

Кто же это так настойчиво, наперекор законам геометрии гнёт свою собственную линию?

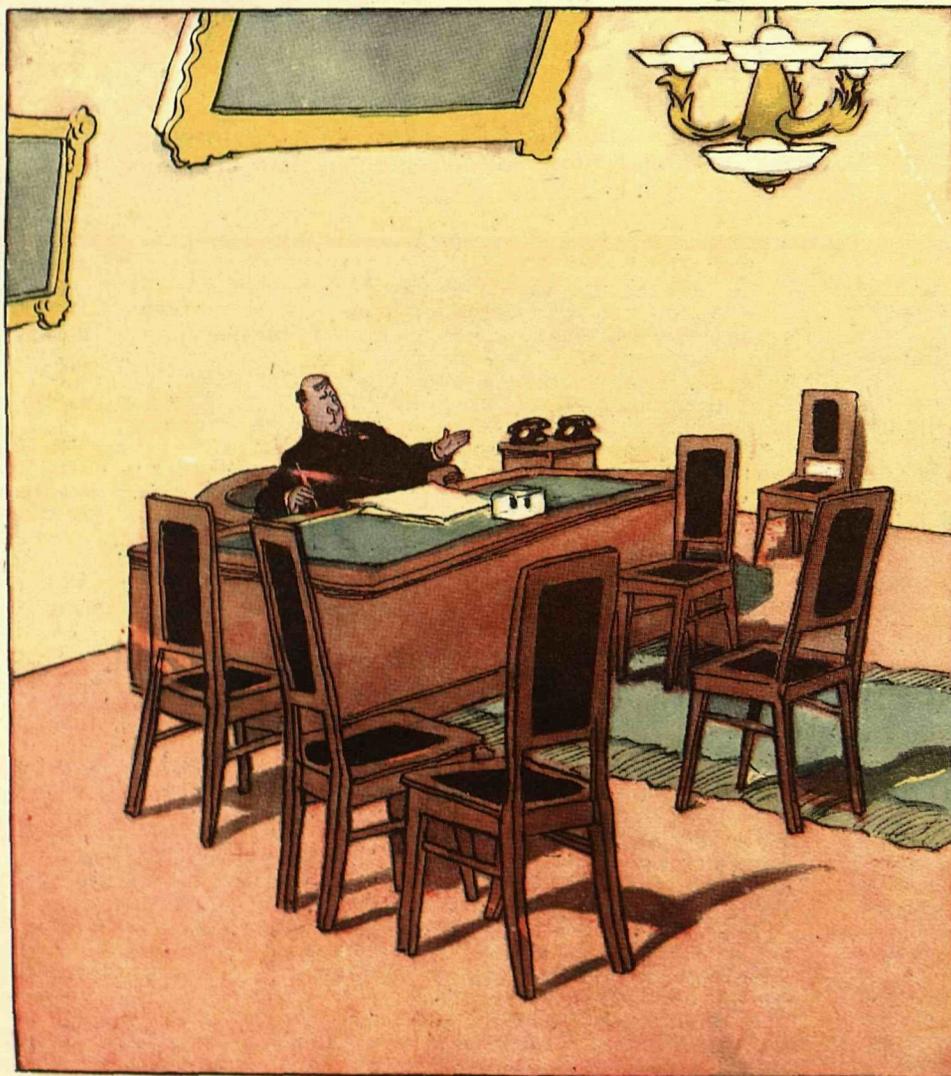
Посмотрите на линейки. Адрес легко разглядеть:

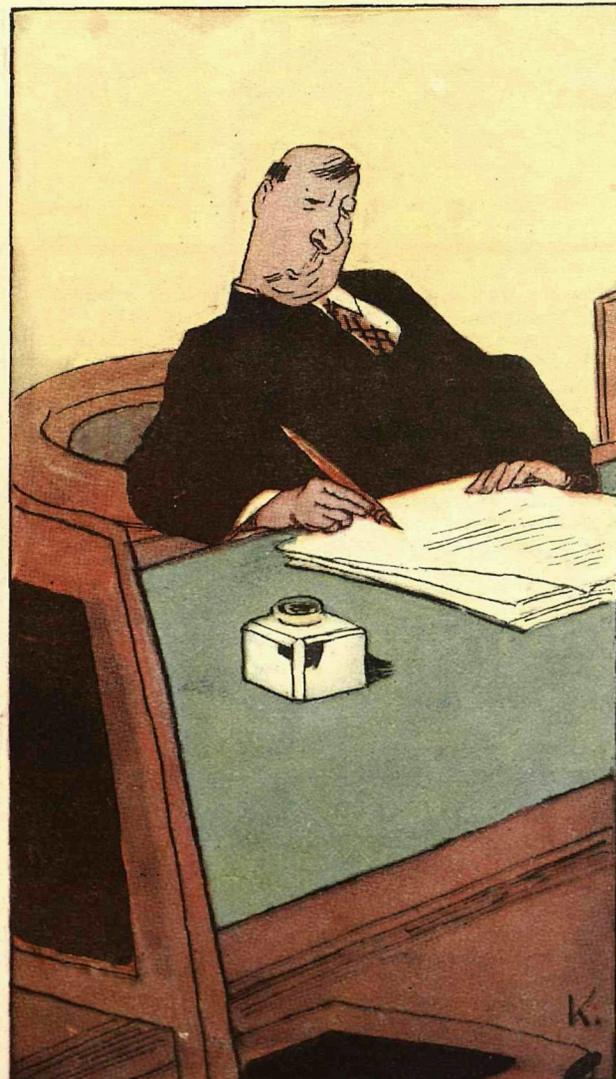
г. Павловский Посад, Московской области.
Артель «Учпром».

К ВОПРОСУ О КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ В РАБОТЕ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

СЛУШАЛИ ~~X~~

ПОСТАНОВИЛИ ~~X~~

В ПЕТУШКАХ СЕГОДНЯ БАЗАР!

Шумно и людно в районном центре с зазорным наименованием — Петушки. Из ближних сёл тянутся сюда на двухдневный базар машины и телеги, гружённые помидорами, капустой, луком.

Колхозники опасливо въезжают на обширное пространство, именуемое базарной площадью. Их осторожность не напрасна: местные мудрецы ухитрились развернуть колхозную торговлю на месте самого настоящего болота. Правда, оно постепенно осушается. Часть грязи уносится на ногах и одежде посетителей рынка, а часть ими же плотно утрамбовывается. По краям бывшего болота живописно расположились двумя рядами прилавки, крытые дырявым навесом. А рядом пригулили три наглухо забитые палатки, в которых некогда торговали мануфактурой и мебелью — обычай, ныне начисто искоренённый.

Все места за прилавками заняты. Опоздавшие привольно располагаются со своими продуктами прямо на болотистой земле. Колхозники выставляют кошёлки с гогочущими гусями, помидоры, молоко и прочую снедь и живность.

— Петрович! Кузя! — распоряжается весёлый парень из Караваева. — Базируйтесь здесь, у забора. Кузя, тащи мешки с мясом, беги к заведующей рынком за фартуками.

Проворный Кузя быстро приносит два грязных и рваных фартука. Надев их, парни сразу приобретают вид заклятых врагов гигиены и санитарии. Они критически оглядывают друг друга.

— А нарукавники где?

— Да нету! Наруканников на весь базар две пары.

Вдали послышался неясный шум, из которого вырвался пронзительный голос заведующей рынком Татьяны Фёдоровой.

— Ишь, пристроился! — гневно накидывается хозяйка петушковского рынка на парня, стоящего у воза с молочными бидонами. — Ставь телегу за рядами. Живо! Слышишь?

— А покультурнее нельзя?

— Напасёшься на вас культуры! Съезжай, тебе сказано!

— Да там телегу засосёт! — доказывает парень. — Ни один покупатель не заглянет!

— Вот так маешься с утра, здоровья не жалеешь, и никакой благодарности! — жалуется нам Фёдорова, вытирая глаза платком. — А рынок, он, конечно, в ветхость пришёл, и грязищи уйма — это верно. Ругали нас за неё, клеймили, а куда её денешь?

В конце торгового дня, полного разнообразных переживаний, колхозники спешат в магазины. Один из них — книжный — стоит на самом базаре.

Пожелание поэта Некрасова, мечтавшего о времени, «...когда мужик... Белинского и Гоголя с базара понесёт», здесь сбывается в прямом смысле. Однако доступ колхозника к Белинскому и Гоголю зависит от количества атмосферных осадков: в дождь и непогоду вокруг магазина такая грязь, что к нему и не поступишься.

Каждый колхозник, приехав в свой районный центр, разумеется, намерен провести время содержательно и толково.

Приезжие долго и благодушно отдыхают в тёплой и чистой чайной под развесистым фикусом. Шеф-повар Гавриил Владимирович Ивашин полон страстного желания порадовать колхозников своим мастерством.

— Приехав в Петушки, — говорит азартно повар, — наш колхозник должен иметь обед-люкс. Я, когда бываю в Москве, обязательно захожу в «Савой» или «Метрополь», присматриваюсь к лучшим достижениям кулинарии. Иной раз готов на самолёте доставить в Петушки какой-нибудь лангет, чтобы поняли в райпотребсоюзе, как нужно кормить наших людей!

Но райпотребсоюз гасит творческие порывы Гавриила Владимировича, поставляя в чайную столь однообразные продукты, что повар-художник может составить только очень скудное меню.

В самом центре Петушков стоит маленькое древнее строение с подслеповатой вывеской «Дом колхозника». По части заботы о колхознике это учреждение смело соперничает с петушковским рынком.

Придя сюда, свежий человек, пожалуй, не сразу поймёт, почему приехавшие на рынок колхозники должны ночевать в коридоре на мешках, а слушатели различных семинаров занимают кровати по целым неделям.

— А как же? — удивляется заведующая Домом колхозника Марья Ивановна Перфильева. — А хозрасчёт-то на что? Пять рублей берём с человека, пять рублей с лошади. На это и живём. Кто первый пришёл, тому и койка. А кто он, пекарь или лекарь, — нам всё едино.

Когда ей намекают, что, мол, есть такие Дома колхозника, где постели чистые и каждому постояльцу дают полотенце, Марья Ивановна растерянно моргает глазами, не понимая, чего же от неё, собственно, хотят.

— Хозрасчётные мы, — уныло повторяет она. — Пять рублей с человека, пять рублей с лошади...

Оригинальный «местный колорит» петушковского рынка и Дома колхозника легко можно уловить, пробыв в Петушках всего несколько часов. Но его, очевидно, не замечают проходящие ежедневно мимо этих учреждений председатель райисполкома тов. Игнатьев и председатель поселкового совета тов. Черненко.

— Может быть, потому и не замечают, что проходят мимо?

Ольга ПОЗДНЕВА

Петушки, Владимирской области.

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА

ОТКРЫТИЕ

— Какая неприятность! Оказывается, у меня опять лыжи не укомплектованы.

«ЗАЩИТНИКИ»

Аденауэр: — По первому вашему знаку, сэр, они кинутся и будут её защищать.

БЛИЗКОЕ ЗНАКОМСТВО

Мистер С. Нормэн, малозаметный композитор из Нью-Йорка, сочиняющий модные мелодии для джазов, посетил недавно Западную Германию. Во-первых, он возмечтал ознакомиться её жителей с последними американскими достижениями в этой области. А во-вторых, решил побывать в Западном Берлине, чтобы самому поближе ознакомиться с результатами внедрения «американского образа жизни», о чём он так много слышал у себя дома.

В порядке изучения быта, нравов и психологии местного населения мистер Нормэн забрёл в один из ресторанчиков на Рейнштрассе (Западный Берлин). И там сразу же обратил внимание на группу подвыпивших молодчиков, которые, окопавшись за соседним столиком, орал фашистскую песню, призывавшую «вперёд, на Восток!».

Мистер Нормэн прослушал песню с профессиональным удовольствием. Он даже благожелательно улыбнулся шумной компании. Однако разгулявшиеся «востоковеды» поняли эту улыбку по-своему. Один из них (собутельники почему-то называли его «Джонни», в то время как, судя по всему, это был закоренелый эсэсовец) предстал, пошатываясь, перед мистером Нормэном и осведомился:

— Что за дурацкие гримасы строишь ты, мокрая курица? И кто ты такой вообще?

Композитор, слабо владеющий немецким языком, растерялся.

— П-позвольте п-представиться: Н-нормэн, комп-п-позитор,— пролепетал он, заикаясь.

Эти слова произвели эффект самый неожиданный. Испустив победоносный клич, «Джонни» выплеснул остатки пива из своей кружки в лицо американскому гостю, вцепился в его вихры и лихим жонглёрским движением сорвал с него пёстрый техасский галстук:

— Тебя-то мы и ждали, собачий сын!

Затем «Джонни» перевернул стол, за которым восседал мистер Нормэн, и точным ударом в живот повергнул композитора на пол. По-

доспевшие собутельники «Джонни» активно включились в игру и принялись методически избивать свою жертву, издававшую уже какие-то саксофонные звуки. Они обрабатывали изумлённого джазиста до тех пор, пока прибывшие к месту происшествия штуммовские полицейские не отобрали у них то, что осталось от мистера Нормэна.

Врачам американского госпиталя пришлось положить немало труда, чтобы привести сначала в чувство, а потом в элементарный порядок основательно потрёпанного соотечественника. Наконец он настолько поправился, что смог самостоятельно доплестись до здания американского военного трибунала, где разбиралось это дело. Мистер Нормэн решительно потребовал на суде по меньшей мере виселицы для «этих бандитов».

Но всё повернулось иначе. Медоточивый защитник объяснил высокому судилищу, что хотя «достойные молодые люди» и действовали «импульсивно», однако же руководствовались «высокими идейными побуждениями». Оказалось, что они просто стали жертвой слуховой ошибки: спутали слово «композитор» (по-немецки — «компонист») со словом «коммунист».

Американский военный трибунал был вполне удовлетворён этим объяснением. Кстати, «Джонни» на суде оказался немцем Иоганнесом. Для умиротворения мистера Нормэна собутельники были приговорены к одному месяцу тюремного заключения. Впрочем, этот жестокий приговор в значительной степени смягчился тем обстоятельством, что тотчас же по выходе мистера Нормэна из зала суда преступники были выпущены на свободу. И в самом деле, разве можно держать за решёткой таких специалистов, когда западноберлинской полиции не хватает штатных единиц, чтобы расправляться с возмущёнными безработными, со сторонниками мира и единства Германии!

Как видим, мистер С. Нормэн из Нью-Йорка достиг своей цели. Он действительно близко ознакомился с нравами, насаждаемыми его соотечественниками за границей. Однако вряд ли это его порадовало!

Г. ПШЕНИЦИН

АЛМАЗНАЯ ГОРЯЧКА

Время действия—1951—1953 годы. Место действия—Бонн.

В кабинет министра экономики профессора Людвиг Эрхарда бомбой влетает его приятель, крупный делец Карл Вернер.

Вернер (с трудом переводя дыхание). Сенсация! Инженеру доктору Генриху Мейнле удалось открыть способ изготовления искусственных алмазов!

Министр (вскочив с места). Не может быть!

Вернер (приглушённо). Москва уже пыталась перехватить...

Министр. Изобретателя?!

Вернер. К счастью, беда предотвращена моими друзьями из «группы борьбы против бесчеловечности»...

Министр. Молодцы! Где же этот человек?

Вернер. Он здесь! (Открывает дверь, ведущую в приёмную, торжественно.) Господин инженер Мейнле, прошу вас!

На пороге показывается худощавый человек средних лет с маленькими бегающими глазками, со слащавой улыбкой.

Министр. Очень рад познакомиться с вами...

Мейнле (деловито и быстро). Берусь выпускать ежегодно тридцать миллионов каратов алмазов. (Министр привскакивает в кресле.) Обеспечу тысячу процентов чистой прибыли. Вот точный расчёт. (Небрежно передаёт министру лист бумаги.)

Министр (просмотрев расчёт). Если это так...

Вернер (в экстазе). Это так! Я всё проверил!

Министр. Тогда... тогда мы можем себя поздравить... (Жмурится от удовольствия. Перед ним возникают россыпи алмазов. Он видит боннское государство богатейшим в мире, а правителей его, в том числе и себя, почти Рокфеллерами. Зайскивает.) Господин инженер, не покажете ли вы мне хотя бы небольшой синтетический алмазик?

Мейнле (с чувством собственного достоинства). Я хочу, чтобы первый искусственный алмаз, который увидит ваше превосходительство, был изготовлен в вашем присутствии.

Министр. Блестяще! Но чем скорее, тем лучше. Я распоряжусь, чтобы вам было предоставлено всё, что вам требуется. (Крепко пожимает руку господина Мейнле и бережно провожает его до двери.)

Вернер (прощаясь). Теперь вы видите, с кем имеете дело?

Министр. Вижу.

* * *

Лаборатория, предоставленная в распоряжение Мейнле по указанию министра Эрхарда. Присутствуют: Мейнле, его племянница, она же его ассистентка Эдельтрауд Мейнле, министр экономики профессор Эрхард, министр внутренних дел Лер, министр юстиции Делер, импрессио-господина Мейнле—Карл Вернер, несколько экспертов. Высокие гости сгруппировались вокруг стола, на котором дядя и племянница производят опыт. В центре внимания—реторта, в которой должен родиться на свет божий синтетический алмаз. Томительные минуты ожидания... Наконец Эдельтрауд достаёт пинцетом из реторты блестящий камень, который эксперты признают алмазом, ни в чём не уступающим природному.

Министр. Я переживаю счастливейшие минуты моей жизни!

Мейнле (с бокалом заблаговременно припасённого шам-

панского в руках, Эрхарду). Ваше превосходительство! Я разрешу себе назвать этот алмаз «Людвиг Эрхард». Вы стояли у его колыбели...

Пожатие рук. Гости удаляются. Мейнле даёт племяннице плитку шоколада—аванс в счёт будущих алмазных благ—и целует её.

* * *

Всё идёт как по маслу. К вилле изобретателя (уже полученной им от его высоких покровителей) приставлены полицейские с собаками. Министр юстиции сам взял на себя почётную обязанность хранить в сейфе засургученное описание изобретения. Господин Вернер лихо радочно сколачивает акционерное обще-

ство по производству синтетических алмазов—ХАМАК.

В клубе промышленников в Дюссельдорфе собралось несколько десятков акционеров-учредителей: там и высочества, и одна светлость (такие аристократические разновидности тоже водятся в боннском заповеднике), и гитлеровские приспешники, среди них барон фон Люттихау. На трибуне появляется коммерческий директор ХАМАК—Карл Вернер.

Вернер. Ваши высочества, ваша светлость, господа! Миллионы, десятки миллионов алмазов проложат путь к величию и славе Германии! Алмазная пыль в соединении со сталью даст сплав, незаменимый для танковой брони! (Гул одобрения.)

Люттихау (на трибуне). Мы должны благодарить провидение за то, что

оно подарило нам изобретателя этой манны небесной. Внесём же нашу лепту в это великое дело! (Гром аплодисментов.)

Присутствующие вносят около миллиона марок акционерного капитала. Вездесущие американские друзья обещают двадцать миллионов долларов на финансирование дальнейших опытов Мейнле. Господин Крушн заключает сделку с ХАМАК на будущую продукцию. На авансцену выступает господин Макклой (бывший верховный комиссар США в Западной Германии). Он приказывает перевести Мейнле на постоянное жительство в американскую зону. Выполнить это приказание, Эрхард выступает перед Макклоем со следующей декларацией:

«Изготовление искусственных алмазов составит долю нашего участия в деле обороны (так в Бонне называют агрессию.—Д. У.). Мы преподнесём её американскому правительству на золотом блюде».

...В течение свыше полутора лет обещанная министром «доля» не появлялась ни на золотом, ни на каком-либо другом блюде. Акционеры-учредители стали проявлять понятию нетерпение. Мейнле же успокаивал их тем, что описание его изобретения в руках блюстителя законности. Однако после трёхсот семидесяти семи безуспешных опытов кое-кто в Бонне всё же схватился за голову и передал дело об изобретении и о личности изобретателя на исследование и расследование прокурору.

И тут было установлено, что изобретение является сплошным вздором, а изобретатель (по профессии—портной), если и имел какое-либо отношение к технике и науке, то разве только к уголовной—дважды он водворялся в тюрьму. Возможно, что там-то у него и появилась идея подцепить на алмазную приманку боннских барышников.

Что же касается алмаза «Людвиг Эрхард», то это был подлинный алмаз. Мейнле купил его у ювелира, а племянница Эдельтрауд во время опыта зажала драгоценность под ногтем большого пальца и—ловкость рук!—во-время опустила её в реторту. За что, кстати, и получила от дяди плитку шоколада.

В Бонне судили тех, кто обманывал, но не тех, кто вознадеялся получить хорошую добычу. Между тем очевидно, что, не будь последних, не было бы и первых.

Д. УМАНСКИЙ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

С помощью Америки мы достигнем процветания!

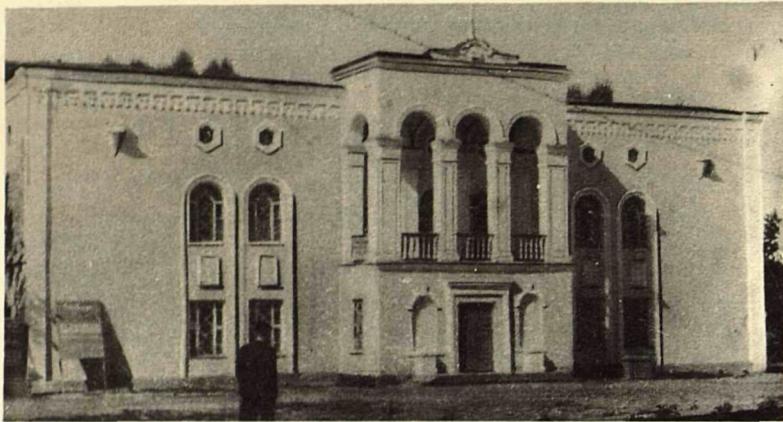

В Австрии не хватает одной тысячи зубных врачей, в том числе в Вене—четырёхсот.

Заговаривает зубы.

ФОТО-Витрина

СО СТОРОНЫ

Увидев этот снимок, председатель исполкома Горно-Алтайского горсовета сразу воскликнет:
— Да это же наш Дом культуры!
А может быть, и не без гордости добавит:
— Сами открывали в сентябре прошлого года!

А вот эта фотография, вероятно, вызовет у него неподдельное изумление:
— Что это за обветшалые стены? Какого века строение? Однако самое удивительное то, что на обоих снимках один и тот же Дом культуры. Только запечатлён с разных сторон. Видимо, руководители исполкома горсовета на открытии Дома культуры любовались только его фасадом. А жаль! Со стороны-то, оказывается, виднее!

Как ни странно, но...

...в магазинах Чучковского сельпо (Вологодская область) давно-давно нет соли. Жители сначала решили, что работники сельпо переводят всех покупателей на диетическое питание. Но потом из продажи начали исчезать хлеб и многие другие продукты, и покупатели стали сомневаться: диета ли это? Ведь даже при диете хлеб не противопоказан...

Вот и приходится жителям ездить покупать продукты за сорок километров. У покупателей возни-

кает законный вопрос: когда же работники Чучковского сельпо начнут встречать их «хлебом-солью»?

...любая претензия покупателя обходится Брестскому отделению «Белкниготорга» в 2 рубля 80 копеек. Не больше, не меньше! За 2 рубля 80 копеек покупается новая жалобная книга, как только в старой появляется хоть одна жалоба.

Эффект при этом получается двойной: и жалоб нет, и план продажи жалобных книг перевыполняется!

ВИДЫ В БОК

ЦВЕТ КУДРЕЙ ЛЕНСКОГО

Прессклише ТАСС решило заняться популяризацией произведения Александра Сергеевича Пушкина посредством задач-головоломок. Для этой цели районным и многотиражным газетам был разослан кроссворд С. Егорова «Евгений Онегин».

Головоломка предлагает читателю ряд каверзных и хитроумных, с точки зрения Прессклише, вопросов:

«Игра, в которую Евгений Онегин играл сам с собой».

«Фамилия девицы, с которой танцевал мосье Трике на именинах у Татьяны».

«Цвет кудрей Ленского».

«Сколько родов щеток было у Онегина «для ногтей и для зубов?»

«Спортивная игра, в которую играли Ольга и Ленский».

По мысли литературоведов из Прессклише ТАСС, читатель, горя желанием ответить, скажем, на пятнадцатый вопрос по горизонтали: «Название военнослужащих из частей, в которых служил один из женихов Татьяны?», — начнёт срочно перечитывать «Евгения Онегина».

Мы должны огорчить руководителей Прессклише. Читатель перечитывает Пушкина не для того, чтобы отвечать на столь, заумные и пустопорожние вопросы.

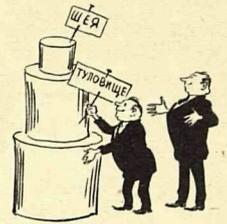
ПЕРЕГНУЛИ

Новые, довольно любопытные сведения о строении человеческого тела даёт учебник «Конструирование женского верхнего платья», составленный П. Комковым и Ф. Постниковым, под общей редакцией Н. Архангельского («Гизлегпром». 1952 г.).

Из этого учебника изумлённый читатель узнаёт, что его «шея имеет форму широкого, но короткого цилиндра, обычно несколько наклонённого вперёд».

Оказывается, человеческое «туловище имеет форму сплюсненно-го спереди назад цилиндра, с перехватом в области талии, выгибом в поясничной части и выпуклостью в области спины». А корпус иногда бывает «перегибистый».

Авторы этого высокоучёного труда со своими перегибами и перехватами явно перегнули и хватили через край.

ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ

Работники Сретенского радиозула (Читинская область) по мере своих сил и творческих возможностей вносят в эфир весёлое оживление. Вот, скажем, транслируется лекция на политическую тему. Вдруг из репродукторов несётся игривый перестук кастаньет, и певица начинает задорно выводить:

Говорят, я простая девчонка
Из далёкого предместья
Мадрида...

Но бывает и другое. Транслируется, скажем, концерт. Неожиданно из репродукторов доносится баритон диктора, передающего материалы ТАСС для местных газет: «Абзац. Заголовок. С большой буквы. Пере-вы-пол-не-ние плана ло-ва киль-ки. Точка. По буквам: Коля, Иван, Леонид, мягкий знак, Коля, Иван. Киль-ки!»

А недавно во время трансляции из Москвы радиорепортажа «Новости недели» из репродукторов неожиданно послышалось:

— Алло, склад! Как там счёт гвоздей?

Словом, вместо новостей недели жители города прослушали увлекательный разговор одного из работников радиозула со складом и узнали, что никакие гвозди на складе, оказывается, нет.

Сретенские шутники продолжают резвиться в эфире, и неизвестно, какие ещё гвозди станут гвоздём их очередной программы.

С ПОДЛИННЫМ СХВЕРНО

ГРОЗНОЕ НАЧАЛЬСТВО

Шофёр Лозно-Александровского райпотребсоюза (Ворошиловградская область) тов. Максютя И. О. внезапно заболел и попал в больницу. Когда он выздоровел и вернулся на работу, заботливое начальство привествовало его специальным приказом:

«За нарушение труддисциплины шофёром тов. Максютей, выразившееся в том, что он уехал в город Старобельск на стационарное лечение, не поставив в известность об уезде правление райпотребсоюза и по возврате с лечения предъявил больничный лист — объявить шофёру Максютю строгий выговор».

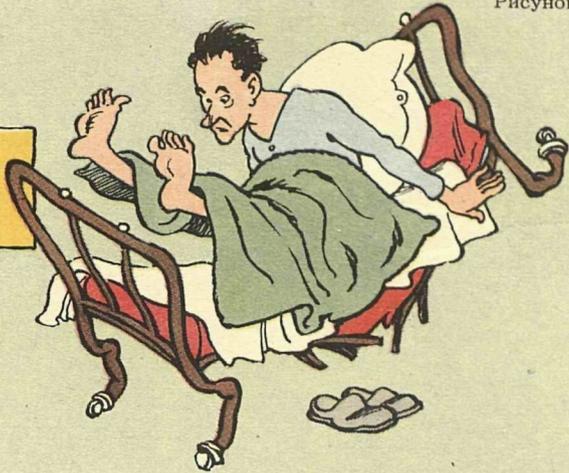
Председатель правления райпотребсоюза (Кондратенко). Хорошо ещё, что шофёр Максютя избежал выговора за выздоровление без ведома своего грозного начальства!

НЕСБЫВШИЕСЯ ПОЖЕЛАНИЯ

Рисунок Г. ВАЛЬКА

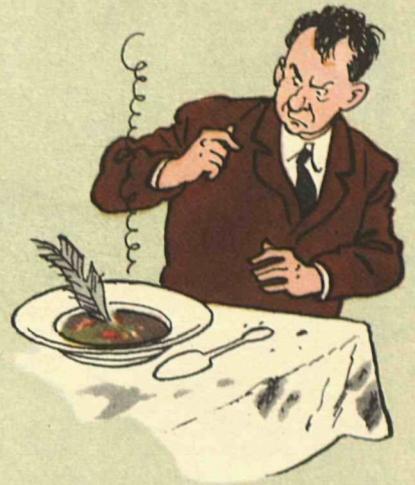
СПИТЕ СПОКОЙНО!..

...пожелал директор мебельного магазина обладателю новой кровати. Но надежды на спокойный сон быстро рухнули вместе с кроватью, изготовленной московским заводом «Комета».

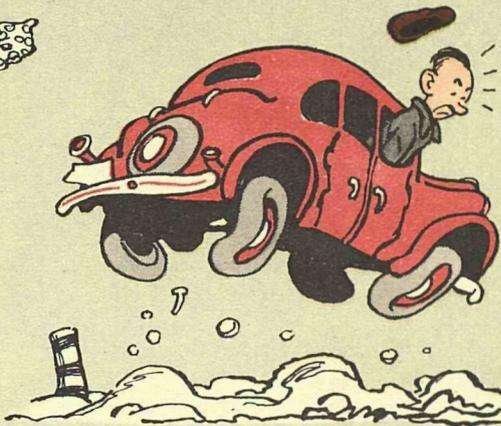
ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!..

...сказал вежливый повар посетителю столовой № 3 Орска НОД-2 Красноярской ж. д., подав суп, которого сам не пробовал.

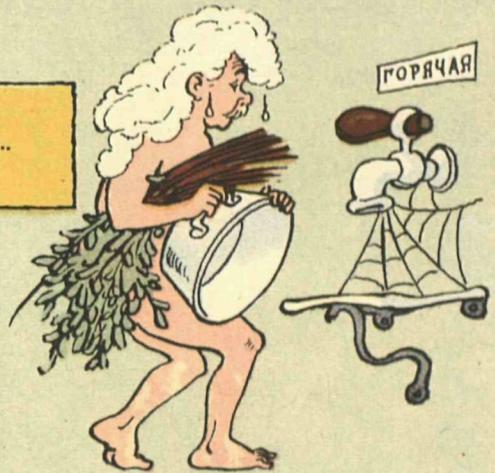
СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!..

...напутствовали во Владимирском горсовете гражданина, легкомысленно решившего проехать на автомобиле по улице Спиртовка в городе Владимире.

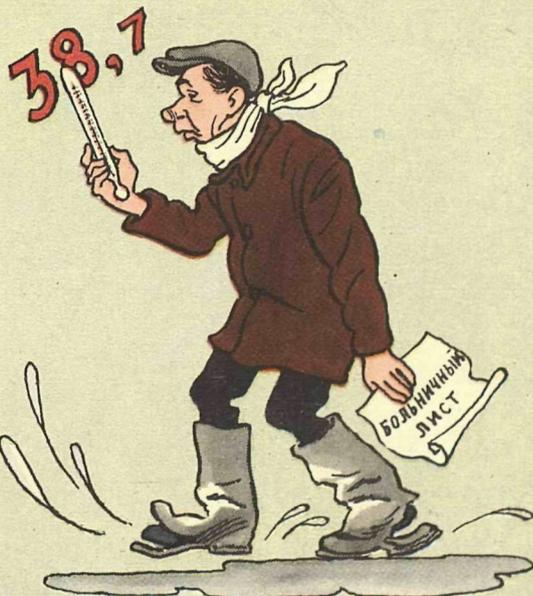
С ЛЕГКИМ ПАРОМ!..

...таким радушным восклицанием всегда провожает посетителей заведующий баней № 1 в г. Ереване. Насколько это приветствие соответствует действительности, можно легко судить по рисунку.

НОСИТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!..

...пожелали покупателю в магазине № 5 Рогачевского сельпо, купившему резиновые сапоги с маркой «Фабрика резиновых изделий Пушкинского РПК, Московской области».

НИ ПУХА, НИ ПЕРА!..

...сказала жена своему мужу, отправившемуся в магазин купить пуховую подушку. Увы, это единственное пожелание сбылось, поскольку подушек в продаже не оказалось.

О качестве кроватей, скверной столовой, неблагоустроенной мостовой, беспорядках в бане, недоброкачественной резиновой обуви и об отсутствии в продаже подушек написали в редакцию читатели: С. БЕЛИК, И. ПОПОВ, А. СОБОЛЕНКО (г. Красноярск), В. ФАРСОБИН (г. Владимир), А. МЕЛИК-АДАМЯН (г. Ереван), Г. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ, И. КОШЕЛЕВ, И. ПОРТНОВ, Н. ЛЯХОВИЧ (село Трёхсвятское, Московской области).

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 808. Подписано к печати 30/X 1953 г.

Формат бум. 70 × 108¹/₈.

1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 04165. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2918.

Тираж 350 000 экз

12 НОЯ 1953

В порядке «восстановления» Южной Кореи американцы направляют туда большие партии косметических товаров.

13319

me

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Всесоюзная Книжная Палата
Обязат. экзempl.
1953 г.

